

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.4.20>

UDC 930:388.14“1917–1918”
LBC 63.3(2)61

Submitted: 07.09.2021
Accepted: 28.11.2021

“ONLY BAD WITH THIS CIVIL WAR”: REPRESENTATION OF THE EVENTS OF 1917–1918 IN CHILDREN’S NARRATIVES

Alexander Yu. Rozhkov

Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

Abstract. Introduction. Our understanding of the life of children during the Civil War is largely based on two sets of published documents: the essays of immigrant children, written abroad in 1924–1925, and personal documents of the children of the Petrograd nutritional colony, who made forced trip around the world in 1918–1921, about whom the book by O.I. Molkina. Therefore, any new sources in this area are very valuable. The purpose of the article is to reconstruct the images of childhood during the period of civil confrontation through the interpretation of the collection of “children’s letters” written in 1917–1918. **Methods.** The study is based on methodological developments in the study of “children’s” texts created by A. A. Salnikova. Based on the objectives of the study, the analysis of 54 selected narratives of children and adolescents (1917–1918) was carried out within the methodological framework of interpretive approach based on “understanding” reading of “children’s letters” through an unformalized analysis of their texts. **Analysis.** As a result of the analysis of the texts of letters of children and adolescents, the main thematic topics of correspondence were revealed, which made it possible to structure the texts of children’s letters. The identified thematizations were grouped into nine blocks: “war”, “revolution”, “deprivation”, “children”, “adults”, “life”, “protest”, “study”, “feelings / emotions”. The scope and objectives of the article allow to focus only on the first three blocks. Unlike the essays written by children in exile, many of the authors of the letters we studied belonged to a completely different social environment – the families of the Russian intelligentsia, who positively perceived the revolution, sympathizing with the Bolsheviks or being in their ranks. **Results.** Analysis of “children’s letters” 1917–1918 showed that there is no single children’s discourse about the Civil War. At least two diametrically opposite children’s discourses – “emigrant” and “revolutionary”, are quite clearly observed. The second discourse was presented in this work.

Key words: Civil war, revolution, Russia, 1917–1918, “children’s texts”, children’s narratives, children’s discourse about the war.

Citation. Rozhkov A. Yu. “Only Bad With This Civil War”: Representation of the Events of 1917–1918 in Children’s Narratives. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 4, pp. 225–238. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.4.20>

УДК 930:388.14“1917–1918”
ББК 63.3(2)61

Дата поступления статьи: 07.09.2021
Дата принятия статьи: 28.11.2021

«ТОЛЬКО ПЛОХО С ЭТОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНОЙ»: РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СОБЫТИЙ 1917–1918 ГГ. В ДЕТСКИХ НАРРАТИВАХ

Александр Юрьевич Рожков

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Российская Федерация

Аннотация. Наши представления о жизни детей во время Гражданской войны во многом основаны на двух комплексах опубликованных документов – сочинениях детей-эмигрантов и личных документах детей Петроградской питательной колонии, совершивших вынужденное кругосветное путешествие в 1918–1921 годах. Любые новые источники могут дать новое прочтение как самого исторического периода противостояния, так и его отображения детьми. Цель статьи – реконструировать образы детства в период гражданского противостояния через интерпретацию обнаруженной в Научном архиве Российской академии образования коллекции «детских писем», написанных в 1917–1918 годах. Исследование опирается на методологические наработки

А. А. Сальниковой по изучению «детских» текстов. Анализ нарративов детей и подростков (1917–1918 гг.) проведен в методологических рамках интерпретативного подхода, основанного на «понимающем» прочтении «детских писем» путем неформализованного анализа текстов. Предпочтение отдано «реалистическому» подходу к качественному исследованию по Д. Силвермену и «тематической» модели анализа по методологии К. Риссмана. В результате анализа текстов писем детей и подростков выявлены основные тематизации переписки, что позволило структурировать тексты детских писем. Для удобства обработки текстовой информации выявленные тематизации были сгруппированы в девять блоков: «война», «революция», «лишения», «детское», «взрослые», «жизнь», «протест», «учеба», «чувства / эмоции». Рамки статьи позволяют сосредоточиться только на первых трех блоках. В отличие от сочинений, написанных детьми в эмиграции, многие авторы изученных нами писем принадлежали совсем к другой социальной среде – семьям русской интеллигенции и рабочих, позитивно воспринявших революцию, сочувствовавших большевикам либо состоявших в их рядах. Для большинства этих детей «моментами эпифании» стали революция и война. Правомерно утверждать, что не существует единого детского дискурса о Гражданской войне. К описанному ранее «эмигрантскому» детскому дискурсу добавился диаметрально противоположный – «революционный». Различие дискурсов имеет место в большей мере относительно описания субъективного опыта и личных оценок политических и военных событий.

Ключевые слова: Гражданская война, революция, Россия, 1917–1918 гг., «детские тексты», детские нарративы, детский дискурс о войне.

Цитирование. Рожков А. Ю. «Только плохо с этой Гражданской войной»: репрезентация событий 1917–1918 гг. в детских нарративах // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 4. – С. 225–238. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.4.20>

Введение. Несмотря на обширную историографию о Гражданской войне в России, мы до сих пор мало знаем о положении и переживаниях детей в период ожесточенного гражданского противостояния. Речь идет не только о детях враждующих сторон, но в широком смысле о детях России как одной из самых пострадавших половозрастных групп, «застигнутых революцией» (Х. Раппапорт). Здесь вполне применимы оценки Ш. Фицпатрик, данные Русской революции и Гражданской войной: «То, что для одних было освобождением, для других обернулось бедой и трагедией» [30, с. 7].

В свете «нарративного» и «интерпретативного поворота» в историографии мы исходим из нового ракурса взгляда на проблему гражданского противостояния, который очень точно сформулирован И.С. Коном: «Если до сих пор ученые смотрели на детство глазами взрослых, то теперь они хотят перевернуть угол зрения, рассмотреть взрослый мир сквозь призму детского восприятия» [9, с. 62]. Этот подход инициировал обращение историков к «детским текстам». К последним относятся нарративы, созданные непосредственно детьми, в отличие от текстовых источников о детстве, созданных взрослыми, – «текстов о детях» и «текстов для детей». Детское авторство определяет содержание, жанр, структу-

ру и стиль «детских» текстов [20, с. 117]. Соответственно, под нарративом нами понимается любой повествовательный («осужденный») текст, функция которого – информировать адресата о событиях.

За последние десятилетия наибольшую известность приобрели два комплекса документов такого характера о Гражданской войне. Прежде всего, это жизненные истории детей, покинувших Родину, – по их сочинениям, написанным в эмиграции [6]. Несколько позднее вышла в свет книга О.И. Молкиной [11] и были опубликованы некоторые документы (письма, дневники, воспоминания, фотографии) [16] о детях Петроградской питательной колонии, которые, убегая от войны, совершили вынужденное кругосветное путешествие в 1918–1921 годах. Однако эти документы, при всей их уникальности и пронзительности, опубликованы и сравнительно хорошо изучены. Поэтому любые новые источники в этой области могут дать новое прочтение как самого исторического периода противостояния, так и его отображения детьми.

Цель статьи – реконструировать образы детства в период гражданского противостояния через интерпретацию корпуса «детских писем» 1917–1918 гг., обнаруженных нами в НА РАО. В конкретные задачи исследования входит понимание на основе изучения жиз-

неописаний детей того, как они воспринимали и переживали этот непростой для них и их семей исторический период, как репрезентировали его в своих письмах, какие значения придавали своему жизненному опыту. При этом мы, вслед за И.С. Коном, стремимся к рассмотрению этих жизнеописаний не как биографий детей «вообще» в период «жизни в катастрофе» (И.В. Нарский), а как историй мальчиков и девочек [8, с. 17].

Судя по изученным «детским» текстам, именно в этот период у многих детей начинался «потерянный рай» в связи с болезнями или смертью родителей, эпидемиями, голодом, утратой домашнего очага и Родины.

Методы и материалы. Проблема детства в условиях гражданского противостояния в России начала XX в. привлекает все большее внимание со стороны историков. Появляются работы о социальных проблемах детей и опыте их преодоления в Советской России [25; 29] и русском зарубежье [10; 12]. Фундаментальный труд К. Келли о российском детстве также не обошел вниманием эту тему [33]. Вопросы восприятия детьми событий Гражданской войны нашли отражение в работах В.Б. Аксенова и П.П. Щербинина [1; 32]. Интересные результаты анализа детских рисунков начала гражданского противостояния в России представлены учеными из Санкт-Петербурга [13]. Это исследование продолжает традицию изучения детских свидетельств периода революции и Гражданской войны, которая начала складываться в первой половине 1920-х гг. в виде отдельных публикаций педагогов и педологов (включая работы В.С. Воронова [3; 4]). В последние годы историография исследуемой проблемы активно расширяется благодаря новаторским исследованиям А.А. Сальниковой. В ряде своих публикаций известный историк из Казани рассматривает «детские» тексты через призму восприятия детьми революции и гражданского противостояния как катастрофы [18; 21]. В других своих работах она выбирает предметом исследования нарративы детей в качестве источника по истории революции и раннего советского общества [23], а также обстоятельно описывает специфику «детских» текстов [19; 24].

Приступая к работе, мы стремились несколько выровнять сложившийся перекокс в сторону воспоминаний детей-эмигрантов, а также ввести в научный оборот новые источники. Анализу подверглись письма детей и подростков (1917–1918 гг.) из коллекции, хранящейся в Научном архиве РАО [14]. Весомым доводом в пользу такого выбора является синхронность этих письменных свидетельств с изучаемым периодом.

По Р. Барту, письма приоритетны с точки зрения притязания на истинность при репрезентации прошлого, тогда как воспоминания и автобиографии по своей структуре ближе к понятию «классического» нарратива как выстроенного в логико-временном порядке законченного текста [2, с. 106]. По классификации А. Сальниковой письма относятся преимущественно к неспровоцированным «детским» текстам. По содержанию среди писем встречаются как «детские» тексты «о Времени» (исторические события глазами детей), так и «о Себе» (описания себя и о себе – размышления о жизни в семье, в школе, об отношениях с родителями) [22, с. 67, 213].

Исходя из задач исследования, аналитические процедуры с нарративами детей базируются на интерпретативном подходе, основанном на «понимающем» прочтении «детских писем» путем неформализованного анализа текстов. Поскольку это наш первый («разведывательный») опыт работы с данными текстами, предпочтение было отдано реалистическому подходу к качественному исследованию по Д. Силвермену [35] и тематической модели анализа по методологии К. Рисмена [34], что предполагает широкое цитирование источников, чередующееся с нашими комментариями.

Анализ. Корреспонденция Кирилла Родионова и его матери, Ирины Ивановны, представляет собой перепечатанные на пишущей машинке плохого качества 54 текста писем детей и подростков. Печатный вид текстов, конечно, упрощает прочтение и процедурные манипуляции с ними, но лишает исследователя эффекта восприятия специфики детского почерка, проделанной ребенком работы с текстом (зачеркивания, исправления, ошибки и т. д.), как и несколько снижает ощущение аутентичности источника.

Судя по косвенным признакам, коллекция была сдана в архив мамой Кирилла не ранее 1950–60-х гг., после его гибели. Вся корреспонденция расположена в архивном деле в строго хронологическом порядке. Атрибуция писем облегчена благодаря педантичному отношению к текстам со стороны Ирины Ивановны. Все письма датированы, указаны места их написания. Известны имена авторов, возраст каждого из них. Всего в папке письма десяти мальчиков и девяти девочек. Самому младшему (Кире) на момент первого письма в коллекции было 7 лет, самой старшей (Ольге) – 17. Первое письмо датировано 2 января 1917 г. по старому стилю, последнее – 29 августа 1918 г. (по новому). В архивном деле и описи фонда нет исторической справки о коллекции, поэтому все сведения об авторах писем, их связях и отношениях можно предположить только косвенным путем на основе текстов писем. Насколько можно понять из писем детей, подвижница Ирина Ивановна работала в подмосковной деревне Буньково (до переезда в Москву в сентябре 1917 г.), вероятно, учителем и воспитателем в устроенном ею детском саду, участвовала в организации клуба для подростков. Ее сын Кира был тесно вовлечен в это сообщество детей и подростков. По каким-то причинам (скорее, в войну) дети разъехались, поэтому география переписки обширна – Петроград, Баку, Тифлис, Кисловодск, Князьи Горы, Буньково, Красково, Бугуруслан, Задонск, Кавказская, Москва. Это позволяет увидеть разнообразную палитру событий в России на пороге и во время революции и Гражданской войны глазами детей и подростков.

Возникает резонный вопрос: в какой степени можно доверять этим текстам? Очевидно, ровно в той же мере, как и всем «детским» текстам с учетом особенностей детского восприятия и мышления, памяти, речи, склонности детей к фантазированию и гиперболлизации [31, с. 121–131]. Разумеется, ценность этих источников для историка не в информации о каких-то событиях, а в том, как дети воспринимали и рефлексировали происходящее в стране и мире. Исходя из задач исследования, нас в большей степени интересовало не только то, о чем писали дети, но и как они рассказывают об этом, а также с чьих

слов – тоже было важно. Мы полагаем, что общие источниковедческие подходы к частной переписке вряд ли здесь применимы, однако разделяем мнение авторитетных специалистов о том, что письма – один из немногих источников, которые сохраняют для потомков живые разговорные интонации, язык, присущий данной эпохе и данной среде, и субъективность эпистолярных текстов – это не недостаток, а возможность проследить «эволюцию исторического самосознания человека» [15, с. 165, 167], в том числе в детском возрасте.

Что касается ограничений данного корпуса источников, то они затрагивают несколько вопросов: была ли и насколько переписка детей отредактирована постфактум мамой Кирилла (особенно в части детского языка, грамматических ошибок, лексических норм, терминологии и фразеологии, что вполне могло быть проделано учителем автоматически), включая датировки по новому стилю; остались ли письма, умышленно не включенные ею в эту коллекцию (и почему)? Одной из самых больших сложностей для анализа данной группы источников как жанра «естественной письменной речи» по параметрам коммуникативно-семиотической модели Н.Б. Лебедевой [27] является невозможность определить, кому конкретно адресованы эти письма (Ирине Ивановне, Кириллу или кому-то из детей). Значительно усложняет анализ переписки и невозможность обнаружить в общем потоке писем ответы на конкретные письма конкретных адресантов, что позволило бы выявить связи между корреспондентами. Очевидно, мы имеем дело только с содержательной частью нарративов, а вступления (возможно, и иные элементы структуры нарративов по У. Лавову – резюме, резолюция, кода [28, с. 143]) составитель коллекции, вероятно, посчитал излишними.

Тем не менее тексты писем детей и подростков из этой коллекции вполне подвергаемы интерпретативному анализу и уже с первых строк разительно отличаются от тех, которые изучала и комментировала А. Сальникова. Если, по ее справедливой оценке, все изученные ею воспоминания детей-эмигрантов объединяет общее чувство «Потери, Утраты и Страдания» [23, с. 331], то побудитель-

ную модальность изученной нами коллекции можно описать словами «Революция, Свобода, Прогресс». В отличие от сочинений, написанных детьми в эмиграции, многие авторы писем принадлежали совсем к другой социальной среде – семьям русской интеллигенции и рабочих, позитивно воспринявших революцию, в значительной части своей сочувствовавших большевикам либо состоявшим в их рядах, как мама Киры.

Приступая к анализу писем, данную коллекцию мы условно определили границами фрейма (по Е. Мещеркиной [28, с. 156]) «дети во время социальной катастрофы». В процессе интенсивного анализа текстов писем были выявлены основные тематизации, что позволило структурировать содержание детских писем. Для удобства обработки большой и разнообразной текстовой информации мы сгруппировали тематизации в девять основных блоков: «война» (отношение к войне, смерти, страданиям), «революция» (отношение к политике, партиям, преобразованиям, религии, новому быту, стилю, духу эпохи), «лишения» (голод, болезни, миграция), «детское» (детские игры, детские сообщества, детская непосредственность), «взрослые» (восприятие родителей, возраста, отношение к другим взрослым), «жизнь» (смыслы жизни, детские наблюдения и суждения о новой жизни), «протест» (гражданская активность, хулиганство, самоуправление), «учеба» (гимназия, школа, учебный процесс, отношение к учителям), «чувства / эмоции» (отношение к суициду, эмоциональные оценки и поступки). Эти тематизации с некоторой условностью укладываются в три слоя повествования по В.Б. Голофасту: рутинная, событийная культура и тайная, малопонятная и неожиданная сторона жизни, загадка [5]. Ограниченные рамки статьи позволяют сосредоточиться только на первых трех блоках (по образному выражению П.А. Сорокина, «четырёх монстрах» [26] – войне, революции и лишениях в виде эпидемий и голода).

Тема войны (Мировой и Гражданской) пронизывает многие письма. Часть авторов писем были детьми фронтовиков и поэтому ненавидели войну. Они не думали о победе страны, главное – чтобы отец или брат вернулся с фронта живым. 7-летний Кира пишет

9 января 1917 г.: *«Я раньше был за войну, а теперь против, потому что от нее народу плохо. Пусть нас хоть немцы победят»*. Его 8-летний друг Сережа из Буньково свое отношение к войне выразил в предрождественском письме к солдату на фронте: *«Милый солдат Грязнов, я послал тебе на фронт колбасу сухую и консерву, чай и все остальное. У нас в школе был спектакль про старину, как бояре народ обижали. Приезжай к нам поправляться, у нас хорошо жить»* (02.01.1917). А вскоре Сережа уже с кем-то делится новостями с фронта: *«Получил я уже 4-е письмо от Грязнова – видно, скучно дяденьке в окопах! Как мне жаль его! И как я хочу его видеть глазами! Ведь уже больше года получаю от него письма с тех пор, как к прошлому Рождеству мы всей школой послали солдатам письма и подарки на фронт»* (29.01.1917). Надя пятнадцати лет пишет из Питера о старшем брате: *«Его, наверно, уже скоро отправят на позиции, ему сразу сделали три прививки»* (30.01.1917). *«Вот Сережкин Грязнов ему с января не пишет, и мой дядя Саша тоже – боюсь, что они убиты»*, – заключает Кира (Красково, 25.06.1917) [14, л. 1, 5].

В связи с Октябрьским переворотом у ребят возросли ожидания скорого окончания войны: *«А Митя говорит, что теперь, наверно, уже скоро кончится война, и м[ожет] б[ыть], даже навсегда. Вот хорошо бы!»* – мечтает в письме Кира (06.11.1917). В отличие от отношения к войне мировой, совершенно иные ожидания и настроения появляются у него через несколько месяцев, когда речь шла уже о гражданском противостоянии. Его распирает гордость за Красную армию в борьбе с внутренними врагами, о чем он пишет: *«В прошлую субботу около нашей школы было выступление анархистов против большевиков. Ну их живо усмирила новая Красная армия. Все-таки одного красноармейца они успели убить, и мы видели его торжественные похороны»* (28.04.1918). О новой армии упоминает и Надя: *«Приезжал к нам на 10 дней с фронта брат Павлуша и опять уехал. Он записался в новую социалистическую армию, хотя говорит, что ему страшно надоел фронт. Мама его бра-*

нила за это, а мы его подняли на ура» (Петроград, 17.02.1918) [14, л. 8, 10].

Активная фаза Гражданской войны не запечатлена в изучаемой коллекции, однако градус противостояния в обществе весьма ярко отображен в тематическом блоке «революция». Поскольку изучаемое нами эпистолярное сообщество в основном поддерживало большевиков, оценки и эмоции юных корреспондентов понятны: «...после этих скучных дней теперь НАСТАЛ ПРАЗДНИК, И БОЛЬШОЙ, а именно – 27 ФЕВРАЛЯ!»¹, – пишет из Питера Надя (27.02.1917). «В России революция! – вторит ей Кира из Буньково. – Царя отставили. Я очень был бы рад, если б не выбирали другого царя, потому что от царя много бед. У нас теперь и взрослые люди ходят с красными флагами и с пением, а раньше ходили только школьники и детский сад в первомайские дни. И мы злимся на нашу учительницу, что она нам не рассказывала про то, что бывают революции...» (04.03.1917). Фрося 15 лет вносит в повествование девичью специфику: «Мы, девочки, да и взрослые женщины, очень гордимся перед мальчишками и большими мужиками тем, что революция в Питере началась с бабьего бунта, с хлебных очередей. Знать, когда нужно, и мы храбры!» (05.03.1917) [14, л. 2–3]. Эта девочка, вероятно вдохновленная идеями феминизма, даже в революционных событиях хочет найти обоснование приоритета женского пола над мужским.

В этой переписке ребят обнаруживается потребность подростков к созданию своей организации прообраза комсомола. 15-летний Никита из Буньково сообщает, что их клуб подростков переименовали в юношеский клуб, и теперь в него будут набирать только «серьезных ребят» от 14 лет. Ребята стали читать газеты и рассуждать о политике: «...у всех в поселке идут споры о том, будет ли это конец революции или она пойдет дальше. Мы думаем, что не может ей быть конца, пока у власти еще буржуи, надо, чтобы у власти были рабочие. Наш хор слился с хором взрослых с тех пор, как всем хочется петь только революционные песни. Мне больше всего нравится “Кузнец” <...> А то еще конец песни “Начало”: “Смело протя-

нем мы братскую руку / Братьям-народам, вчерашним врагам, / Кончим войну мы, всемирную муку, / Братству народов воздвигнем мы храм”. Да, пора кончать войну». (20.03.1917). Надя описывает свои впечатления от участия в похоронах павших борцов за революцию. Ее поразила эмоциональная сторона ритуала: «Хотя нам пришлось 7 часов стоять на одном месте, но мы без умолку пели, и время пролетело незаметно. На Марсово поле мы прибыли только в 10 часов вечера. Нас поразила красота: горели факелы, развевались знамена, гремела музыка. Пришли домой по колени мокрые, но настроение у всех было приподнятое» (Петроград, 30.03.1917). Не менее интересное наблюдение приводит Кира: «Мы с Митей все ходим на уличные митинги. Самые интересные бывают на площади против генерал-губернаторского дома, когда на памятник Скобелеву взбирается оратор и оттуда орет» (Москва, 28.09.1917) [14, л. 3, 7].

Если Февральская революция была воспринята ребятами как начало обновления и конец войны, то Октябрь уже ассоциировался с классовой победой. Кирилл, проживая теперь в Москве, шлет кому-то два коротких репортажа с описанием событий тех дней: «А эти дни я опять не хожу [в школу], потому что У НАС ОПЯТЬ РЕВОЛЮЦИЯ!!! Стреляют из пушек, пулеметов, ружей и револьверов. Стрельба больше идет на Красной площади и на Страстной. Ох уж эта Красная площадь, всегда-то она красная, – от крови, значит» (30.10.1917). «Ур-р-р-а! Наша взяла! 4-го стрельба кончилась. Мы с Митей ходили смотреть на разрушения от стрельбы. В центре больше всего пострадала гостиница “Метрополь”, Чудов монастырь и Никольская башня, а на Никитской площади сгорели два дома от снарядов» (06.11.1917). Через 20 дней он сетует на умонастроения в школе: «Занятия там интересные, только плохо, что и дети, и учительницы все против большевиков. Смеются надо мной, что я пишу “по-большевистски”, без яти, “и” с точкой и ъ». Впрочем, ему было не привыкать к такому отношению к себе: «Мы теперь живем в Москве в большом доме, где кроме нас живут

почти одни толстые спекулянты. Их дети меня дразнят большевиком и “ленинским прихвостнем”, и колотят, и щиплют, когда один спускаюсь по лестнице» (08.09.1917) [14, л. 7, 8].

Тяга ко всему новому была главным идентификационным признаком для значительной части ребят той эпохи. «*Как интересно стало жить! Скорее бы кончить гимназию, чтобы приобщиться к настоящей жизни*», – мечтал 16-летний Митя из Кисловодска (12.02.1917), увлекшийся международным языком эсперанто. Смена знаков в такие поворотные моменты истории многими агентами преобразований, к которым относится и молодое поколение, воспринимается особенно остро. Кира написал 22 апреля (5 мая) 1917 г.: «*В этом году праздновали Первое Мая по новому стилю, и я тоже теперь буду писать по новому стилю. Мы с мамой были на демонстрации в Москве. Была военная музыка и много знамен, и очень дружно пели. Только одни толстовцы несли белые плакаты с красными надписями. Это потому, что они за мирную революцию»* (Буньково). Насколько глубоко мог быть так увлечен политикой 7–8-летний мальчик? Сегодня это выглядит, скорее, неправдоподобно, но в революционную эпоху раннее идейное взросление становится нормой. На память приходят литературные герои – Гаврош и Мальчиш-Кибальчиш, детские символы революции и Гражданской войны. Кира – самый младший из авторов писем, но наиболее радикальный в своих убеждениях. Влияние взглядов родителей, очевидно, сыграло свою решающую роль. Вместе с тем Кира признает власть и родителей своих друзей. Вот что он пишет из Красково: «*Всех больше мне нравится Андрюша. Он похож на Валю и ему тоже уже 10 лет. И он тоже любит играть в войну. Только он против большевиков, потому что его папа фронтовой офицер. Мы сперва спорили за и против большевиков, но его мама не велит»* (25.05.1917) [14, л. 2, 4]. Очевидно, политические разногласия не сильно повлияли на дружеское расположение мальчиков, в отличие от табуирования их дружбы со стороны взрослых.

Принципиальное отстаивание собственной политической позиции в противостоянии

«своей» / «чужой» было присуще не только мальчикам, но и некоторым девочкам. Надя пишет из Питера (11.12.1917): «*Я теперь в гимназии все воюю. Как-то собирали на чиновников-саботажников деньги, и все дают по 2, по 3 рубля. Наконец, подходят ко мне. Я говорю: “Я не жертвую”. – Мне говорят: “Это вы, [д]олжно [б]ыть, забыли деньги дома?” – А я им говорю, что вообще не желаю жертвовать на каких-то чиновников. Тут-то и вышла буря! Ну а теперь они меня называют большевичкой, но не злобно, а любя»*. Маленькие мальчики не отставали. Восемилетний Слава, сообщая буньковские «политические» новости вперемежку с оценками представительниц противоположного пола, размышляет: «*А две большие дуры, Нина и Ангелина, чего-то стали Кириюшку дразнить: “А ведь твой Ленин – германский шпион!” – и он рассердился и закричал: “Ваш Плеханов – старая галоша и разбитый горшок!” Не знаю, кто такой Плеханов, а Ленина в нашем рабочем поселке все уважают»* (25.07.1917) [14, л. 2, 6, 8].

Стоит заметить, что письма этих детей отражают довольно большую степень внутренней свободы, с которой они высказывали свои мысли. Тем временем обстановка в стране стремительно ухудшалась, что наблюдательный и цепкий ум Киры фиксировал в своих письмах, очень похожих на хронику из газет: «*Только плохо с этой Гражданской войной. Контрреволюционеры больше всего безобразничают в Приволжской области. К ним на помощь пришли еще какие-то чехословаки. <...> Я написал на них ядовитые стихи»* (15.08.1918). Через две недели он же пишет: «*Митя Стопани молодец! Вместе с одним приятелем поехал сражаться с чехословаками. Он нам прислал с дороги прощальное письмо. Если эта война еще долго будет продолжаться, то и я когда-нибудь еще пойду добровольцем...»* (29.08.1918) [14, л. 11]. Митя погиб при подавлении мятежа чехословацкого корпуса.

В революцию входило нарождавшееся поколение модерна, который имманентно предполагал секуляризацию. Судя по письмам, эти дети и подростки, как и многие их сверстники, относились к религии, мягко говоря, без

пиетета. Вряд ли они были убежденными атеистами, скорее в их взрослом окружении не было влиятельных верующих людей, к тому же преподаваемый в гимназиях и школах Закон Божий нередко вызывал отторжение и протест среди детей. 15-летняя Надя пишет Ирине Ивановне из Питера (30.01.1917): «...а ты сиди в классе, мерзни как собака и слушай какой-нибудь скучный предмет, как Закон Божий». Неожиданно «религиозный вопрос», затронутый в письме, мог вывести на проблему взаимоотношения полов и гендерную идентичность. Вот что 9-летний Лёня пишет в своем письме из Буньково об опыте празднования Пасхи, очень созвучном с текстами сочинений школьников в 1920-е гг. [7, л. 5 об.]: «Нас главное школьное начальство заставило перед Пасхой говеть, и мы на нескольких подводах поехали в церковь. Было весело, мы много баловались дорогой. <...> Батюшка меня спросил, какие у меня грехи, напр[имер], гуляю ли я с девочками. А я и не знал, что это считается грехом, потому что мы всегда вместе с девочками работаем, играем и гуляем» (18.04.1917) [14, л. 1, 3–4, 8]. В этих строках мальчика прочитывается не только его еще невинное отношение к противоположному полу, но и уже сформированная внутренняя готовность к переходу к совместному обучению [17].

Тексты многих детских писем содержат сообщения о всевозможных лишениях, закономерных последствиях войны и революции – голоде, эпидемиях, миграциях, экономических проблемах. Выстроенные в хронологическом порядке письма позволяют наблюдать динамику этих социальных катастроф, а указания местоположения адресантов корректируют динамику в пространстве. Учитывая тесную взаимосвязь экономических неурядиц, голода и болезней в экстремальных условиях, мы все же в целях анализа разведем их между собой.

О возникновении экономических проблем в столице пока еще очень осторожно сигнализирует одно из первых писем в коллекции (Надя, 30.01.1917): «Плохо у нас стало в Петрограде. И вот у меня зародилась мысль, и мама уже согласилась: если можно, я бы поехала к вам в Буньково служить где-нибудь, ведь мне уже 15 лет».

ний Валя из Князьих Гор пишет Кирюше: «Мы сюда переехали из Питера, потому что там стало очень голодно, холодно и беспокойно жить. Здесь много живет беженцев войны...» (27.04.1917). На отдаленной периферии положение было получше. Петя, 12 лет, сообщает из Задонска: «Живем мы здесь ничего себе. Еды всякой здесь больше, чем в Москве. Только квартиры найти нельзя – они все заняты помещиками, которые бегут в город из страха перед крестьянами» (03.07.1917). На Кубани также жилилось не голодно. 17-летняя Оля из ст-цы Кавказской пишет о местных ценах: «Здесь хорошо, тепло, все еще ходят в летнем. Хлеба, муки тут можно купить без всякой очереди, не очень белый стоит 22 коп[еек] фунт, черный – 19. И керосин, и постное масло можно купить без очереди – все, кроме материи и обуви» (08.10.1917). Однако перемещаться в теплые и сытные края было небезопасно, особенно на Украину. Об этом 11-летняя Люба сообщает из Даниловской мануфактуры Ирине Ивановне: «Мама, как сама малограмотная, велит Вам писать, чтобы Вы никого не слушались и не ехали с Кирюшкой на Украину. Сейчас такие времена, что далеко ехать никуда нельзя, можно и не вернуться обратно, когда захочется. <...> Квартиры и дрова здесь вдвое дешевле, чем в Москве, харчи тоже немного дешевле» (19.08.1917).

В обеих столицах ситуация становилась напряженнее с каждым днем. Надя пишет: «Уезжать из Питера мы никуда не собираемся. С провизией пока что неплохо: молоко, хлеб, мясо достать можно, хотя и дорого: масло мама, напр[имер], на днях купила по 6 руб[лей] за фунт, молоко по 1 руб[лю] бутылка. Вообще, жить можно. Только настроение у нас да у всех ужасное» (19.10.1917). Но уже вскоре она сообщает об ухудшении экономической ситуации в Петрограде: «Здесь в день дают только восьмушку хлеба, а один день и вовсе ничего не дали. Но с 18-го обещают прибавить. Посмотрим. Я уже на 20 фунтов убавилась в весе, все на мне висит, как на вешалке, – приходится все юбки перешивать» (17.02.1918). Кира, подтверждая со слов родственницы сложное положение в Петро-

раде, впервые осторожно сообщает о напряженном положении с продуктами в Москве: «Пишет моя Тетушка из Питера, тоже жалуется на голод. У нас тоже не жирно: все больше вобла да пшено, иногда фасоль, конина, отруби. За всем этим и мне часто приходится стоять в хвостах. Но в общем ничего, жить можно. Зато мы с папой совершенно перестали болеть желудками и никаких нам докторов больше не нужно» (01.06.1918). Всего через месяц он уже пишет о голоде более определенно: «Становится и у нас все голоднее жить. Как-то мама слышала самого Ленина, как он выступил среди рабочих за борьбу с голодом. Они сперва все скандалили, а после его речи ему аплодировали вовсю. А как у вас в Бунькове теперь с питанием? Уехали от голода мои лучшие школьные товарищи...» (01.07.1918) [14, л. 1, 4, 5–6, 7, 8, 10].

Голод, война, экономические трудности, миграции населения не могли не обострить эпидемическую обстановку в огромной стране. Дети об этом сообщают в своей переписке достаточно часто и подробно. «У нас тут была большая эпидемия скарлатины. В нашей гимназии умерло несколько учениц. Ия ею болела целых полгода, если считать осложнения с почками и с сердцем. Из-за этого я осталась еще на год в пятом классе. И Витя почти год не учился из-за сильного расширения сердца», – сообщает 14-летняя Лиза из Баку (01.02.1917). Другая девочка описывает целую цепь злоключений ее семьи, связанную с дальними поездками, болезнями и войной: «...наша беспокойная мамаша нас в 1914 году потащила за границу для поправки здоровья, и чтобы нам набраться впечатлений. Поселились мы у чудного Фирвальдштетского озера (в Швейцарии), где мы с Ванькой с места в карьер заболели дифтеритом, заразив и ухаживавшую за нами мамашу. Только стали поправляться, как разразилась война. Мы переехали в город Берн к родственникам. Здесь 3 недели прожили в суеде по-студенчески – впроголодь, христарадничая и собирая деньги на обратный проезд. Наконец, открылись рейсы французского пароходства, и мы двинули в Марсель, а оттуда через Константинополь в Одессу,

где мы оба [с 14-летним братом] заболели воспалением легких. <...> Только что оттуда переехали в Тифлис, как опять пошли болезни: скарлатина и корь, бронхиты, ларингиты да колиты. В результате всего этого мы только теперь, на старости лет, дорвались до регулярного ученья» (Ира, 15 лет, Тифлис, 05.02.1917).

Повсюду свирепствовал брюшной тиф, малярия, в том числе и на фронте. 12-летний Петя сообщает из Задонска: «Папа пишет, что их окопы опять заливают водой, и их опять донимает малярия» (03.07.1917). Надя, приехавшая погостить к Ирине Ивановне в подмосковное Красково, застала ее тяжело заболевшей: «...Ирина Ивановна заболела какой-то “дифтеритной дизентерией”. <...> Здесь было несколько смертных случаев от этой болезни, а на фронте, говорят, массажи от нее умирают. Но Ирина Ивановна нас и близко к себе не подпускала, а сама как-то за собой ухаживала» (26.08.1917). Сам Кира вскоре уже описал антисанитарное состояние новой столицы: «Плохо сейчас стало в Москве: грязь невозможная, везде мусор, подсолнечная шелуха. Я уже написал про это смешные стихи» (08.09.1917). Впрочем, тифом заболевали и по причине элементарной беспечности, о чем сообщал 14-летний Дима из Баку: «Летом мы жили на даче в Бузовнах, и я там заболел тифом – вероятно потому, что пил сырую воду из колодца, и мама меня увезла в Баку» (20.09.1917) [14, л. 1, 2, 6–7].

Результаты. Как показал анализ «детских писем» 1917–1918 гг., у этого поколения уже в раннем возрасте был накоплен богатый опыт переживания экстремальных событий, которого не было у большинства взрослых. Дети двух войн и революций пережили лишения, голод, эпидемии, потерю близких. Им приходилось в связи с вынужденным перемещением родителей менять место жительства, гимназию, друзей, соседей, среду общения, а кому-то и Родину. У каждого из них были свои личные «моменты эпифании» (Р. Хамфри), которые кардинально меняли траекторию жизни. Обобщенно можно сказать, что для большинства из них моментами эпифании стали революция и война.

Судя по текстам писем, дети о многих событиях писали, как свидетели, очевидцы, вместе с тем не стоит исключать влияния на них таких источников информации, как слухи, разговоры взрослых, газетные сообщения. Стоит согласиться с А.А. Сальниковой, признающей, с одной стороны, «свойственный детским текстам фантазийный элемент»; с другой – справедливо считающей, что если вести разговор о воспроизводимом детьми мире собственных чувств, настроений и переживаний, о детских оценках происходящего, «то анализируемый источник в силу своей эмоциональной насыщенности, открытости, непосредственности приобретает особое значение... подводит нас к конкретному маленькому (и в прямом, и в переносном смысле) человеку, способному рассказать о Себе во Времени и о Времени через Себя» [23, с. 328–329]. Вместе с тем детские нарративы о Гражданской войне – это еще и способ самоидентификации и самопрезентации, поиска референтных групп в окружающем мире. Каким бы сложным ни было время, детство остается детством, оно также не лишено игр, увлечений, дружбы, ссор между собой и со взрослыми, повседневных забот по дому – всего того, что, исходя из наших задач, осталось за рамками статьи для последующего изучения.

Что касается модуса повествования изученных нами «детских» текстов, складывается впечатление, что революция (в меньшей степени – война) описывается ими в мажорных, светлых, ярких красках, чего нельзя сказать об опубликованных нарративах детей-эмигрантов. Настоящее исследование подводит к выводу, что не существует единого детского дискурса о Гражданской войне, как могло сложиться впечатление на основе известных исследований сочинений детей-беженцев. Правомерно утверждать, что на этом поле достаточно четко наблюдаются как минимум два диаметрально противоположных детских дискурса – «эмигрантский» и «революционный». Второй дискурс представлен в настоящей работе. Можно предположить, что различие дискурсов имеет место в большей мере относительно описания субъективного опыта и личных оценок политических и военных событий. Но насколько эти дискурсы совпадают, разли-

чаются или сближаются в других аспектах – описании детских игр, повседневных практик, взаимоотношений с родителями и взрослыми, языке, эмоциях? Имеются ли различия в выстраивании структуры нарративов? С какими из «больших нарративов» (социокультурными нормами) того времени соотносятся «детские тексты»? Имеют ли детские нарративы в целом особенности, которые не всегда позволяют их интерпретировать по правилам нарративного анализа взрослых текстов? Эти вопросы еще ждут своего разрешения.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Здесь и далее прописные буквы в статье воспроизведены по источнику.

БЛАГОДАРНОСТИ

Выражаю признательность моим коллегам по кафедре Т.А. Рунаеву и М.В. Донцовой за ценные советы при подготовке статьи.

ACKNOWLEDGEMENTS

I express my gratitude to my colleagues in the department T.A. Runaev and M.V. Dontsova for valuable advice in preparing the article.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксенов, В. Б. Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914–1918) / В. Б. Аксенов. – М. : Новое лит. обозрение, 2020. – 992 с.
2. Барт, Р. S/Z / Р. Барт ; пер. с фр. Г. К. Косикова, В. П. Мурат ; под ред. Г. К. Косикова. – 3-е изд. – М. : Академ. Проект, 2009. – 373 с.
3. Воронов, В. Октябрьская революция в детских записях / В. Воронов // Вопросы просвещения. – 1927. – № 12. – С. 3–11.
4. Воронов, В. Февральская революция в детских записях / В. Воронов // Вопросы просвещения. – 1927. – № 3. – С. 3–11.
5. Голофаст, В. Б. Три слоя биографического повествования / В. Б. Голофаст // Биографический метод в изучении постсоциалистических обществ : материалы Междунар. семинара / под ред. В. Воронкова и Е. Здравомысловой. – СПб. : ЦНСИ, 1997. – С. 23–26. – (Труды ЦНСИ ; вып. 5).

6. Дети русской эмиграции. Книга, которую мечтали и не смогли издать изгнанники / сост. Л. И. Петрушева ; под ред. С. Г. Блинова и М. Д. Филина. – М. : Терра, 1997. – 496 с.
7. Детские сочинения на разные темы // Научный архив Российской академии образования (НА РАО). – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 244. – 29 л.
8. Кон, И. С. Открытие Филиппа Арьеса и гендерные аспекты истории детства / И. С. Кон // Вестник РГГУ. Серия «Культурология. Искусствоведение. Музеология». – 2010. – № 15 (58). – С. 12–24.
9. Кон, И. С. Ребенок и общество: историко-этнографическая перспектива / И. С. Кон. – М. : Наука, 1988. – 270 с.
10. Микуленок, А. А. Положение детей-эмигрантов из России в лимитрофных государствах в 1920-е годы / А. А. Микуленок // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2018. – Вып. 5 (194). – С. 129–135. – DOI: 10.23951/1609-624X-2018-5-129-135
11. Молкина, О. И. Над нами Красный Крест. Петербургская семья на фоне XX века / О. И. Молкина. – СПб. : Остров, 2007. – 480 с.
12. Ордовский-Танаевский, М. Л. Дети России в эмиграции в КСХС-Югославии // Столетие двух эмиграций. 1919–2019 : сб. ст. / отв. ред. А. Ю. Тимофеев. – М. : Ин-т славяноведения РАН ; Белград : Информатика, 2019. – С. 257–275. – DOI: <https://doi.org/10.31168/0433-6.14>
13. Орех, Е. А. Политические акторы на детских рисунках 1917–1918 годов: социологическая рефлексия (на основе коллекции В.С. Воронова из фондов ГИМ) / Е. А. Орех, О. Ю. Бойцова // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2017. – Вып. 20 (4). – С. 185–209. – DOI: <https://doi.org/10.31119/jssa.2017.20.4.10>
14. Письма детей и подростков за 1917–1918 годы : (Из корреспонденции Кирюши Родионова и его матери) // НА РАО. – Ф. 18. – Оп. 2. – Д. 994. – 11 л.
15. Профессионализм историка и идеологическая конъюнктура: проблемы источниковедения советской истории / отв. ред. А. К. Соколов. – М. : Ин-т рос. истории РАН, 1994. – 400 с.
16. Путешествие вокруг Света в 919 дней. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://colonia.spb.ru/archivs.htm> (дата обращения: 12.07.2021). – Загл. с экрана.
17. Рожков, А. Ю. В кругу сверстников : Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов / А. Ю. Рожков. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Новое лит. обозрение, 2016. – 640 с.
18. Сальникова, А. А. «Геенна огненная»: детское восприятие раннего советского периода / А. А. Сальникова // *Ab imperio*. – 2002. – № 3. – С. 321–353.
19. Сальникова, А. А. «Детский текст», его специфика и значение для реконструкции детского восприятия и детской памяти «эпохи российских катастроф» / А. А. Сальникова // Харківський історіографічний збірник. – 2006. – № 8. – С. 132–140.
20. Сальникова, А. А. «Детское письмо» и его специфика / А. А. Сальникова // Детство в научных, образовательных и художественных текстах: опыт прочтения и интерпретации : сб. науч. ст. и сообщ. / сост. и отв. ред. А. А. Сальникова. – Казань : Казан. ун-т, 2011. – С. 116–123.
21. Сальникова, А. А. Дети русской эмиграции о революции 1917 года: «Боженка! Помилуй Россию, помилуй меня!» / А. А. Сальникова // Нескучный сад. – 2012. – № 10 (81). – С. 77–80.
22. Сальникова, А. А. Российское детство в XX веке : История, теория и практика исследования / А. А. Сальникова. – Казань : Казан. гос. ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина, 2007. – 256 с.
23. Сальникова, А. А. Школьные сочинения детей русской эмиграции как источник по социальной истории России, 1917–1920 гг. / А. А. Сальникова // Социальная история : Ежегодник, 2001/2002. – М. : РОССПЭН, 2004. – С. 324–352.
24. Сальникова, А. А. Язык революции 1917 года в «детских» текстах / А. А. Сальникова // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. – Вып. 12. – М. : УРСС, 2004. – С. 117–135.
25. Смирнова, Т. М. Дети страны Советов : От государственной политики к реалиям повседневной жизни. 1917–1940 гг. / Т. М. Смирнова. – М. ; СПб. : Ин-т рос. ист. РАН ; Центр гуманит. инициатив, 2015. – 384 с.
26. Сорокин, П. А. Человек и общество в условиях бедствий : Влияние войны, революции, голода, эпидемии на интеллект и поведение человека, социальную организацию и культурную жизнь / П. А. Сорокин ; пер. с англ., вступ. ст. и примеч. В. В. Сапова ; отв. ред. И. А. Федоров. – СПб. : Изд. дом «Мирь», 2012. – 336 с.
27. Сухотерина, Т. П. «Детские письма» как жанр / Т. П. Сухотерина, К. Р. Евсеева // Культура и текст. – 2016. – № 1 (24). – С. 20–29.
28. Троцук, И. В. Теория и практика нарративного анализа в социологии / И. В. Троцук. – М. : Изд-во РУДН, 2006. – 246 с.
29. Федоров, А. И. Охрана материнства и детства в Советской России в условиях революции и Гражданской войны (1917–1922 гг.) / А. И. Федоров // Научные ведомости. – 2009. – № 9 (64). – С. 175–182.
30. Фицпатрик, Ш. Русская революция / Ш. Фицпатрик ; пер. с англ. Н. Эдельмана. – М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2018. – 320 с.
31. Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс ; пер. с фр. и вступ. ст. С. Н. Зенкина. – М. : Новое изд-во, 2007. – 348 с.

32. Щербинин, П. П. «Антоновщина» сквозь призму восприятия детей и подростков: выбор жизненного пути и его последствия в первой четверти XX века / П. П. Щербинин // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2017. – № 6, ч. 2. – С. 113–115.

33. Kelly, C. *Children's World: Growing Up in Russia 1890–1991* / C. Kelly. – New Haven & London : Yale University Press, 2007. – 714 p.

34. Riessman, C. K. *Narrative Analysis* / C. K. Riessman // *Narrative, Memory & Everyday Life*. – Huddersfield : University of Huddersfield, 2005. – P. 1–7.

35. Silverman, D. *Doing Qualitative Research* / D. Silverman. – L. ; Thousand Oaks ; Delhi : Sage Publication, 2000. – 390 p.

REFERENCES

1. Aksenov V.B. *Sluhi, obrazy, jemocii. Massovye nastroyeniya rossijan v gody vojny i revoljucii (1914–1918)* [Rumors, Images, Emotions. Mass Moods of Russians During the War and Revolution (1914–1918)]. Moscow, Novoe lit. obozrenie Publ., 2020. 992 p.

2. Bart R. *S/Z*. Moscow, Akad. Project Publ., 2009. 373 p.

3. Voronov V. Oktjabrskaja revoljucija v detskih zapisjah [The October Revolution in Children's Recordings]. *Voprosy prosveshhenija* [Education issues], 1927, no. 12, pp. 3–11.

4. Voronov V. Fevral'skaja revoljucija v detskih zapisjah [The February Revolution in Children's Recordings]. *Voprosy prosveshhenija* [Education Issues], 1927, no. 3, pp. 3–11.

5. Golofast V.B. Tri sloja biograficheskogo povestvovaniya [Three Layers of Biographical Storytelling]. *Biograficheskij metod v izuchenii postsocialisticheskikh obshhestv: materialy Mezhdunar. seminar* [Proceedings of an International Seminar "Biographical Method in the Study of Post-Socialist Societies"]. Saint Petersburg, CNSI Publ., 1997, pp. 23–26. (Trudy CNSI, iss. 5).

6. Blinov S.G., Filin M.D., eds. *Deti russkoj jemigracii. Kniga, kotoruju mechtali i ne smogli izdat izgnanniki* [Children of the Russian Emigration. The Book That the Exiles Dreamed of and Could Not Publish]. Moscow, Terra Publ., 1997. 496 p.

7. *Detskie sochinenija na raznye temy* [Children's Compositions on Various Topics]. *Nauchnyj arhiv Rossijskoj akademii obrazovanija* [Scientific Archive of the Russian Academy of Education], f. 1, op. 1, d. 244. 291.

8. Kon I.S. Otkrytie Filippa Ariesa i gendernye aspekty istorii detstva [Philippe Aries' Discovery and Gender Aspects of Childhood Story]. *Vestnik RGGU. Serija «Kulturologija. Iskusstvovedenie. Muzeologija»* [RGGU Bulletin. Series "Culturology. Art Criticism. Museology"], 2010, no. 15 (58), pp. 12–24.

9. Kon I.S. *Rebenok i obshhestvo: istoriko-jetnograficheskaja perspektiva* [Child and Society: Historical and Ethnographic Perspective]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 270 p.

10. Mikulenok A.A. Polozhenie detej-jemigrantov iz Rossii v limitirofnyh gosudarstvah v 1920-e gody [The Situation of Russian Emigrant Children in Limitrophic States in the 1920s]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State Pedagogical University], 2018, iss. 5 (194), pp. 129–135. DOI: 10.23951/1609-624X-2018-5-129-135

11. Molkina O.I. *Nad nami Krasnyj Krest. Peterburgskaja semja na fone XX veka* [The Red Cross Is Above Us. Petersburg Family Against the Background of the Twentieth Century]. Saint Petersburg, Ostrov Publ., 2007. 480 p.

12. Ordovskij-Tanaevskij M.L. *Deti Rossii v jemigracii v KSHS-Jugoslavii* [Children of Russia in Exile in Kingdom of SCS – Yugoslavia]. *Stoletie dvuh jemigracij. 1919–2019: sb. st.* [The Centennial of Two Emigrations. 1919–2019]. Moscow, In-t slavjanovedeniya RAN, Belgrad, Informatika Publ., 2019, pp. 257–275. DOI: <https://doi.org/10.31168/0433-6.14>

13. Oreh E.A., Bojcova O.Ju. Politicheskie aktory na detskih risunkah 1917–1918 godov: sociologicheskaja refleksija (na osnove kollekcii V.S. Voronova iz fondov GIM) [Political Actors in Children's Drawings of 1917–1918. Sociological Reflection (Based on the Collection of V.S. Voronov from the State Historical Museum)]. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], 2017, iss. 20 (4), pp. 185–209. DOI: <https://doi.org/10.31119/jssa.2017.20.4.10>

14. *Pisma detej i podrostkov za 1917–1918 gody: (Iz korrespondencii Kirjushi Rodionova i ego materi)* [Letters from Children and Adolescents for 1917–1918 (From the Correspondence of Kirill Rodionov and His Mother)]. *Nauchnyj arhiv Rossijskoj akademii obrazovanija* [Scientific Archive of the Russian Academy of Education], f. 18, op. 2, d. 994. 11 l.

15. Sokolov A.K., ed. *Professionalizm istorika i ideologicheskaja konjunktura: problemy istochnikovedeniya sovetskoj istorii* [Historian's Professionalism and Ideological Conjuncture: Problems of Source Study of Soviet History]. Moscow, In-t ros. istorii RAN, 1994. 400 p.

16. *Puteshestvie vokrug Sveta v 919 dnei* [Travel Around the World in 919 Days]. URL: <http://colonia.spb.ru/archivs.htm> (accessed 12 July 2021).

17. Rozhkov A.Ju. *V krugu sverstnikov: Zhiznennyj mir mladogo cheloveka v Sovetskoj Rossii 1920-h godov* [In the Circle of Peers: The Life World of a Young Man in Soviet Russia in the 1920s]. Moscow, Novoe lit. obozrenie Publ., 2016. 640 p.
18. Salnikova A.A. «Geenna ognennaja»: detskoe vosprijatie rannego sovetskogo perioda [“Gehenna Fiery”: Children’s Perception of the Early Soviet Period]. *Ab imperio*, 2002, no. 3, pp. 321–353.
19. Salnikova A.A. «Detskij tekst», ego specifika i znachenie dlja rekonstrukcii detskogo vosprijatija i detskoj pamjati «jepohi rossijskih katastrof» [“Children’s Text”, Its Specificity and Significance for the Reconstruction of Children’s Perception and Children’s Memory of the “Era of Russian Catastrophes”]. *Harkivskij istoriografichnij zbirnik* [Kharkov Historiographic Ccollection], 2006, no. 8, pp. 132–140.
20. Salnikova A.A. «Detskoe pis’mo» i ego specifika [“Children’s Letter” and Its Specifics]. *Detstvo v nauchnyh, obrazovatelnyh i hudozhestvennyh tekstah: opyt prochtenija i interpretacii: sb. nauch. st. i soobshh.* [Collection of Scientific Aticles and Messages “Childhood in Scientific, Educational and Artistic Texts: The Experience of Reading and Interpretation”]. Kazan, Kazan. un-t, 2011, pp. 116–123.
21. Salnikova A.A. Deti russoj jemigracii o revoljucii 1917 goda: «Bozhenka! Pomiluj Rossiju, pomiluj menja!» [Children of the Russian Emigration About the 1917 Revolution: “God! Have Mercy on Russia, Have Mercy on Me!”]. *Neskuchnyj sad* [Boring Garden], 2012, no. 10 (81), pp. 77–80.
22. Salnikova A.A. *Rossijskoe detstvo v XX veke: Istorija, teorija i praktika issledovanija* [Russian Childhood in the 20th Century: History, Theory and Practice of Research]. Kazan, Kazan. gos. un-t im. V.I. Ulyanova-Lenina, 2007. 256 p.
23. Salnikova A.A. Shkolnye sochinenija detej russoj jemigracii kak istochnik po socialnoj istorii Rossii, 1917–1920 gg. [School Essays by Children of the Russian Emigration as a Source on the Social History of Russia, 1917–1920]. *Socialnaja istorija: Ezhegodnik. 2001/2002* [Social History. Yearbook. 2001/2002]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2004, pp. 324–352.
24. Salnikova A.A. Jazyk revoljucii 1917 goda v «detskih» tekstah [The Language of the 1917 Revolution in “Children’s” Texts]. *Dialog so vremenem. Almanah intellektualnoj istorii* [Dialogue With Time. Almanac of Intellectual History], iss. 12. Moscow, URSS Publ., 2004, pp. 117–135.
25. Smirnova T.M. Deti strany Sovetov: Ot gosudarstvennoj politiki k realijam povsednevnoj zhizni. 1917–1940 gg. [Children of the Land of Soviets: From State Policy to the Realities of Everyday Life. 1917–1940]. Moscow, Saint Petersburg, In-t ros. istorii RAN, Centr gumanit. iniciativ, 2015. 384 p.
26. Sorokin P.A. Chelovek i obshhestvo v uslovijah bedstvij: Vlijanie vojny, revoljucii, goloda, jepidemii na intellekt i povedenie cheloveka, socialnuju organizaciju i kulturnuju zhizn [Man and Society in Disaster Conditions: The Impact of War, Revolution, Hunger, Epidemic on Intellect and Human Behavior, Social Organization and Cultural Life]. Saint Petersburg, Izd. dom «Mir», 2012. 336 p.
27. Suhoterina T.P., Evseeva K.R. «Detskie pisma» kak zhanr [“Children’s Letters” as a Genre]. *Kultura i tekst* [Culture and Text], 2016, no. 1 (24), pp. 20–29.
28. Trocuk I.V. *Teorija i praktika narrativnogo analiza v sociologii* [Theory and Practice of Narrative Analysis in Sociology]. Moscow, Izd-vo RUDN, 2006. 246 p.
29. Fedorov A.I. Ohrana materinstva i detstva v Sovetskoj Rossii v uslovijah revoljucii i Grazhdanskoj vojny (1917–1922 gg.) [Protection of Mothers and Children in Soviet Russia During the Revolution and the Civil War (1917–1922)]. *Nauchnye vedomosti* [Scientific Statements], 2009, no. 9 (64), pp. 175–182.
30. Ficpatrik Sh. *Russkaja revoljucija* [Russian Revolution]. Moscow, Izd-vo In-ta Gajdara, 2018. 320 p.
31. Halbvaks M. *Socialnye ramki pamjati* [Social Framework of Memory]. Moscow, Novoe izd-vo, 2007. 348 p.
32. Shherbinin P.P. «Antonovshchina» skvoz prizmu vosprijatija detej i podrostkov: vybor zhiznennogo puti i ego posledstvija v pervoj chetverti XX veka [“Antonovshchina” Through the Prism of Perception of Children and Adolescents: Choice of Life Path and Its Consequences in the First Quarter of the Twentieth Century]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul’turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art History. Questions of Theory and Practice]. Tambov, Gramota Publ., 2017, no. 6, pt. 2, pp. 113–115.
33. Kelly C. *Children’s World: Growing Up in Russia 1890–1991*. New Haven & London, Yale University Press, 2007. 714 p.
34. Riessman C.K. *Narrative Analysis. Narrative, Memory & Everyday Life*. Huddersfield, University of Huddersfield, 2005, pp. 1–7.
35. Silverman D. *Doing Qualitative Research*. London, Thousand Oaks, Delhi, Sage Publ., 2000. 390 p.

Information About the Author

Alexander Yu. Rozhkov, Doctor of Sciences (History), Professor, Head of Department of Sociology, Kuban State University, Stavropolskaia St, 149, 350040 Krasnodar, Russian Federation, avro14@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3064-2915>

Информация об авторе

Александр Юрьевич Рожков, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии, Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, 350040 г. Краснодар, Российская Федерация, avro14@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3064-2915>